

О.А. Милевский

ПРЕОДОЛЕВАЯ РАССТОЯНИЯ: ИСТОРИЯ ДРУЖБЫ Н.М. МАРТЬЯНОВА И Д.А. КЛЕМЕНЦА

Направление региональной истории в настоящее время является одним из доминирующих исследовательских трендов, и активное обращение историков к сибирской проблематике только подтверждает это правило. Немалый вклад в изучение Сибири в последней трети XIX – начала XX в. с естественнонаучной и этнографо-археологической точки зрения внесли исследователи Н.М. Мартьянов и Д.А. Клеменц. В данной статье на основе привлечения большого архивного материала, главным образом – это эпистолярное наследие этих ученых, автор попытался реконструировать историю их взаимоотношений и проследить, как их более чем двадцатилетняя дружба влияла на формирование научных интересов и помогала им в организации и проведении экспедиционных исследований в различных местностях Сибири.

Ключевые слова: политическая ссылка; естественнонаучные исследования; Минусинский музей; Д.А. Клеменц; Н.М. Мартьянов.

Имена Дмитрия Александровича Клеменца и Николая Михайловича Мартьянова достаточно хорошо известны российской науке [1–9]. Однако в своем абсолютном большинстве исследователи рассматривали их научное и общественное служение России, а на вопрос межличностных отношений обращали недостаточно внимания. Хотя представляется, что именно дружеская близость двух этих неординарных личностей сыграла немалую роль в судьбе и того, и другого.

Поэтому цель данной статьи – на основе изучения сохранившегося эпистолярного наследия проследить, как более чем двадцатилетняя дружба Н.М. Мартьянова и Д.А. Клеменца оказала влияние на формирование их как ученых и исследователей Сибири.

Впервые они встретились в Минусинске в самом конце декабря 1882 г. В этот небольшой город Енисейской губернии, в котором тогда проживало около 5 000 человек, был направлен к месту ссылки земледелец Д.А. Клеменц. Вот как описывал этот населенный пункт политссыльный И.П. Белоконский: «Маленький, серенький, он расположен на некрасивой ровной местности, орошаемой рукавом Енисея и его притоком – речушкой Минусинкою. Жуть брала при мысли, что он стоит на 500 верст от губернского города, на 300 с лишним верст от большого тракта и является пограничным городом с Монголией» [10. С. 260]. При этом в отличие от других уездных сибирских городов, являвшихся пристанищем политических ссыльных, в Минусинске имелись хороший, по меркам того времени, культурный ландшафт, и создан он был фактически усилиями одного человека – провизора Н.М. Мартьянова.

Н.М. Мартьянов родился в 1844 г. на самом Западе Российской империи в Виленской губернии. В силу обстоятельств он не имел даже гимназического образования, а окончил только двухклассное училище в Минске, а затем курсы провизоров при медико-хирургической академии в Санкт-Петербурге (1865 г.) и Московском университете (1872 г.). Тогда же в 1872 г. он

переехал в Казань и здесь под влиянием преподавателей-естественников Казанского университета, в частности Леваковского [11. С. 47], серьезно увлекся ботаникой и вскоре стал членом университетского общества естествоиспытателей. Тогда же он опубликовал свою первую научную работу «Флора окрестностей села Моркваши» [12. С. 56].

Однако молодого энтузиаста влекла неизведанная природа Сибири, и он ответил согласием на предложение доктора А.В. Малинина переехать в Минусинск для работы в его аптеке. Прибыв в город в 1874 г. Н.М. Мартьянов нашел там и свою судьбу, женившись на Аполлинарии Александровне Аргуновой, учительнице арифметики из Минусинской женской прогимназии [13. Л. 1]. Здесь же он обрел и круг друзей, и единомышленников, куда, кроме доктора А.В. Малинина с супругой Еленой Константиновной, входили и местные купцы – патриоты своего края Г.П. Сафьянов и М.П. Барташев, а в 1876 г. в «ближний круг» Н.М. Мартьянова вошел и сосланный в эти места князь А.А. Кропоткин.

Именно в Минусинске Н.М. Мартьянов окончательно сформировался и как музейный работник, и как исследователь, причем в немалую роль в становлении его, как ученого сыграло его дальнейшее тесное общение с Д.А. Клеменцем. А началось все с обзорных экскурсий по Минусинскому округу. Уже первые поездки дали богатый материал по флоре, минералогии, археологии и этнографии региона. Например, в 1876 г. Н.М. Мартьянов впервые открыл залежи девонских окаменелостей в Минусинском округе, около села Бейского [11. С. 48].

К концу 1876 г. Н.М. Мартьяновым было собрано до 2500 предметов. Все нарастающий объем коллекции требовал создания некоего центра для ее хранения и координации сил по дальнейшему научному изучению региона. Таким образом, идея создания музея буквально витала в воздухе. Этому объективно способствовало и еще одно обстоятельство, а именно, инициатива ге-

нерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова по открытию Западно-Сибирского Отдела Русского Императорского географического общества (далее ЗСОИРГО). В 1876 г. он подал по этому поводу прошение на высочайшее имя и 31 июля 1877 г. ЗСОИРГО получил официальный статус

А стратегия на создание местных музеев как важнейших форпостов по изучению различных местностей Империи была одной из главнейших в ИРГО. В результате для Минусинска, де-факто принадлежащего к восточносибирскому генерал-губернаторству, а территориально тяготевавшего к западносибирскому, складывалась весьма удобная ситуация для того, чтобы параллельно с процессами создания структур ЗСОИРГО поставить вопрос о создании местного музея. Эту идею при поддержке наиболее прогрессивно мыслящей части минусинского общества и стал активно продвигать Н.М. Мартянов.

В результате, усилия энтузиастов-краеведов увенчались успехом. Их итогом стало решение местной Думы об учреждении 10 января 1877 г. музея [14. С. 47], а 18 июня 1877 г. был принят его устав, по которому Н.М. Мартянов назначался его распорядителем и оставался на этой должности до самой смерти. Вслед за музеем 2 января 1878 г. открылась библиотека.

Эти начинания оказали серьезнейшее влияние на формирование социокультурного облика города, который с начала 1880-х гг. стал к тому же активно заполняться политическими ссыльными. С 1880 по 1886 г., по данным И.П. Белоконского, в Минусинском округе находились около 50 ссыльных [15. С. 144–155]. Н.М. Мартянов несмотря на то, что полностью не разделял политических воззрений ссыльных-народников, относился к ним с искренним уважением. Он одним из первых понял, какие возможности таит в себе их интеллектуальный потенциал, и стал стараться привлекать политссыльных к музейным делам. Такая практика полностью себя оправдала уже на начальном этапе существования музея, когда для работы в нем Н.М. Мартянов пригласил А.А. Кропоткина, оставшегося до отъезда в Томск в марте 1882 г. бессменным ученым секретарем музея.

Н.М. Мартянов в отношении политических ссыльных придерживался следующей позиции: «Всякий интеллигентный человек должен дать все, что может, той местности, где проживает» [10. С. 273]. Очень метко его кредо впоследствии сформулировал Д.А. Клеменц: «Пользуясь всеми, Мартянов старался быть полезным всем» [16. С. 28].

Таким образом, оказавшись в Минусинске, Д.А. Клеменц обнаружил в городе вполне сложившееся вокруг Н.М. Мартянова и, соответственно, музея небольшое, но сплоченное научное сообщество. И вскоре самым притягательным для него местом стал именно музей. Быстрое интеллектуальное и духовное сближение Н.М. Мартянова и Д.А. Клеменца, хотя и при разности общественных позиций, в начале 1883 г. отмеча-

ли многие. «По приезде в Минусинск, – вспоминал А.В. Адрианов, – он сразу познакомился и быстро сблизился с Ник. Мих. Мартяновым и стал его лучшим другом и помощником в устройстве музея» [17. С. 107].

Дом Н.М. Мартянова всегда был открыт для политических изгнанников. Его дочь Нина Николаевна вспоминала, что у отца бывало много друзей и знакомых. Среди постоянных гостей был и Д.А. Клеменц [13. Л. 7], ставший его настоящим другом. Жизнь изобилует удивительными коллизиями. Так и в данном случае: если бы не тяжелая болезнь Д.А. Клеменца в Красноярской пересыльной тюрьме, он бы оказался в Якутии, а так болезнь привела к тому, что две незаурядные личности – Н.М. Мартянов и Д.А. Клеменц встретились именно в Минусинске и, взаимно обогащая друг друга знаниями, в дальнейшем внесли серьезный вклад в российскую, да и мировую науку. В Д.А. Клеменце, как отмечали современники, «образцовый, изумительный коллектор и организатор музея Мартянов получил необходимое дополнение для того, чтобы создать то «чудо», которое приобрело известность в умственных центрах не только Европейской России, а и Западной Европы, вызвав командировки в Минусинск и его уезд для изучения древностей отдельных ученых и целые экспедиции» [17. С. 107].

С первых дней знакомства Н.М. Мартянов всячески поддерживал Д.А. Клеменца в его научных увлечениях, стремясь вывести его из круга только революционных интересов. Во многом, именно Н.М. Мартянову русская наука обязана тем, что в ней появилась яркая и колоритная фигура Д.А. Клеменца. Именно благодаря поддержке Н.М. Мартянова и Г.П. Сафьянова он получил от губернских властей разрешение на участие в экспедиции летом 1883 г., организованной А.В. Адриановым с целью проникновения в малоизвестные юго-восточные части Алтая, а также для определения истоков реки Томи и изучения водораздела рек Абакана и Мрассу [18. С. 18]. Но прежде чем началась основная часть экспедиции, Д.А. Клеменц, пока в качестве прилежного ученика, принял участие в археологических раскопках на Тагарском острове близ Минусинска, организованных А.В. Адриановым.

В этой непростой во всех отношениях экспедиции Д.А. Клеменц получил и первый опыт самостоятельных путешествий – достигнув истоков Томи, проведя там исследования, путешественники разделилась. А.В. Адрианов далее отправился заранее намеченным маршрутом на реку Мрассу, а Д.А. Клеменц новым – по реке Шор-су на Таштып, отсюда на Абаканский завод (современная Абаза. – *О.М.*) и на прииски по правым притокам Абакана, далее – на реки Магазу и Матур, опять через Таштып на Аскиз и Узунжол и обратно в Минусинск [19. С. 11].

Этим неизведанным курсом Д.А. Клеменц шел с одним проводником. Он проводил картографирование местности, геологические изыскания, а также сбор этнографического материала. О своих впечатлениях,

наблюдениях и находках он сообщал в письмах Н.М. Мартьянову. В частности, на особенно интересующую последнего тему местной флоры он писал, что «растений собрал по горам и здесь около 50 видов, не имевшихся в прежней коллекции» [20. Л. 1об.–2]. Не забывал Д.А. Клеменц и про интересы Минусинского музея, в постскриптуме письма он указывал: «Посылаю с Байкаловым несколько пород, собранных мною между Есью и Таштыпом» [Там же].

Впечатлениями о последней фазе экспедиции Д.А. Клеменц поделился с Н.М. Мартьяновым (письмо от 24 августа с прииска Барташева на реке Узунжол): «Многоуважаемый Николай Михайлович! Странствия мои близятся к концу, и, пожалуй, можно бы их закончить, но мне хочется закончить некоторые поручения Александра Васильевича, так он предписал мне перебраться на левую сторону Абакана и заняться исключительно этнографией... Хотя мне приказано заниматься исключительно этнографией, но я собрал все-таки кое-какие сведения и по части геологии окрестных мест» [21. Л. 1].

Надо сказать, что и в плане этнографического изучения местного населения Д.А. Клеменц сделал немало. Из его обширного письма-отчета А.В. Адрианову следует, например, что он многое узнал о ритуалах, верованиях и обычаях качинцев и сагайцев [22. Л. 169–170]. В настоящее время, конечно, этнографические исследования коренного населения этих мест ушли далеко вперед, но все крупницы информации, полученные в позапрошлом веке Д.А. Клеменцем, несомненно, помогли его последователям двигаться дальше в деле изучения живущих ныне в минусинской котловине этносов. В этом же путешествии он совершил экскурсии в соляную котловину Уш-кюль, к месторождению каменного угля на горе Изых и, наконец, миновав все трудности, 5 сентября вернулся в Минусинск.

Экспедиция 1883 г. оказалась очень успешной и чрезвычайно продуктивной именно благодаря деятельности Д.А. Клеменца. Ее разделение, несмотря на большой риск, принесло свои плоды: была охвачена куда более обширная территория и получено много дополнительной, в первую очередь геологической и археологической, информации.

В письме А.В. Адрианову Д.А. Клеменц так описывал свою «научную добычу»: «Собрали мы с вами 700 с лишком экземпляров высших растений, в которых оказался 251 вид. Список моих пород включает в себе 120 №, да я еще добавил к этому штук полсотни с соленого озера, с Тагарского острова, из окрестностей Минусинска, да окаменелостей с Изыха, где я прожил с неделю, десятка полтора. Окаменелости недурные... Был я и на знаменитом могильнике за Ташебой и узнал, что существует еще другой, более знаменитый, но туда сходить не удалось. На этом же могильнике рунических письмен нет. Курганы действительно большие, есть и каменная баба одна, много камней с рисунками, так что потерянному временем поездку считать нельзя» [22. Л. 169 об.].

Летнее путешествие 1883 г. стало судьбоносным для Д.А. Клеменца – оно в корне изменило его жизнь. Исследователь вернулся из него не просто посвежевшим и морально отдохнувшим. В сентябре в Минусинске появился новый Д.А. Клеменц – географ и путешественник с большой буквы. «Беспокойный Клеменц», как он в шутку себя называл, о котором впоследствии С.Ф. Ольденбург напишет: «Дмитрий Александрович родился путешественником, путешественником Божьей Милостью» [23. С. 1]. И это превращение Д.А. Клеменца из революционера в путешественника и ученого проходило при самом непосредственном участии Н.М. Мартьянова. В осенне-зимний период в Минусинске Д.А. Клеменц вместе с Н.М. Мартьяновым и Г.П. Андреевым погрузился в составление отчетов и описание собранных коллекций.

В это же время Н.М. Мартьянов готовил к изданию свой научный труд «Флора Минусинского округа»; думается, что ботанические коллекции, собранные в экспедиции 1883 г. Д.А. Клеменцем немало способствовали подготовке этой работы. Книга Н.М. Мартьянова увидела свет в конце 1883 г. Описывая зимой 1883–1884 гг. привезенные коллекции, Д.А. Клеменц грезил уже о следующей летней экспедиции. Он планировал посетить «недоступный и не исследованный до сих пор уголок Алтая с водоразделом между вершинами Абакана, Мрассы (левого притока Томи) и Лебеда (правого притока р. Бии) и Телецким озером» [17. С. 111]. Деньги на эту экспедицию выделило ЗСОИРГО.

И летом 1884 г. этот план начал реализовываться. От Минусинска до Таштыпа шли безостановочно, затем экскурсировали в бассейне реки Таштып, собирали геологическую и ботаническую коллекции. У села Таштыпское группа открыла месторождение окаменелостей, интересное в геологическом плане [24. С. 13]. Часть находок предназначалась для Минусинского музея. На хребте Бизе на правом берегу Таштыпа обнаружили желтый горный мак, растущий только на высоких горах, а здесь он оказался на высоте всего 1 200 футов [25. С. 3]. Дальнейшее же путешествие оказалось очень трудным, в результате последнюю часть пути Д.А. Клеменц преодолевал только с двумя проводниками-татарами. Ему с огромными трудностями удалось достичь подножья хребта Джолинь, водораздела между Абаканом, Мрассой и Лебедью [17. С. 111].

Сохранилось крайне интересное письмо Д.А. Клеменца Н.М. Мартьянову, позволяющее воссоздать детали этой тяжелой экспедиции и дающее ценный материал, в том числе и для современных историков географической науки. Вот как описывал события Д.А. Клеменц: «Вам известно, конечно, что от Слюдянки в вершины Абакана пошел я один и в неделю дошел до разделений Абакана на 2 (а не на 3, как это рассказывают) ключа, из которых один делится в свою очередь на 2, другой на три вершины, из которых оба берут начала из озер, у подножия двух высочайших массивов Саянского хребта... При переправе через Абакан у меня утонули и подмокли все съестные при-

пасы – это было за два дня до достижения дальней точки пути... После этой катастрофы я еще два дня шел вперед. Чем питались – не спрашивайте! Полдня я употребил на осмотр хребта в вершине Абакана и вернулся. Каких-нибудь верст 6 хребтов и утесов разделили меня от стоянки Чихачева над озером, откуда он чертил свою карту Абакана. Я сделал то же, что и он – нанес на карту вершины Абакана и повернул обратно. Велика была наша радость, когда мы на обратном пути добрались до того места, где на всякий случай был оставлен запас сухарей. На обратном пути я, вопреки всем возмущениям татар, прихватил немного Малого Абакана и отправился на Большой Кызас» [26. Л. 1].

Но даже неоконченная экспедиция дала огромный географический материал, ведь она проходила по практически неизведанным местам верховьев Абакана. Впрочем, сам Д.А. Клеменц был неудовлетворен ее итогами. Чтобы как-то реабилитироваться в собственных глазах, он принял предложение Н.П. Кузнецова о поездке на реку Ану (приток Абакана), о чем и писал Н.М. Мартянову, прибавляя: «...устал я порядком – если бы не сознание долга, по доброй воле я не поехал бы. Вижу, что буду сильно нуждаться в снисхождении при оценке моих работ» [27. Л. 1 об.].

Однако судьба щедро отблагодарила Д.А. Клеменца за научное подвижничество и перфекционизм. Проезжая правым берегом Абакана, он обнаружил в Абаканской степи совершенно обнаженные полосы речной гальки с преобладанием метаморфических и изверженных пород, отсутствовавших на Абакане, ниже устья Тапштыпа. Он внимательнейшим образом изучил необычный рельеф и сопоставил увиденное с рассказом Н. Мартянова о том, что по дороге между деревнями Сабинской и Означенной (современный Саяногорск. – *О.М.*), лежащими у предгорий Саян, «встретил широкую равнину, имевшую форму старого русла, усыпанную галькой и уходившую к северо-западу, по видимому, к Абакану» [28. С. 2]. Д.А. Клеменц выдвинул смелую научную гипотезу о том, что это старое русло Енисея, направленное на северо-запад к Абакану, выше гор Изыха [25. С. 4]. Но ее еще предстояло доказать, и это ему удалось в следующем 1885 г.

В мае 1885 г. Д.А. Клеменц совместно с купцом Г.П. Сафьяновым совершил поездку в Западные Саяны и тогда мало исследованный Урянхайский край (Тыву), а во второй половине лета он решил проверить свою гипотезу о старом русле Енисея. В своем отчете он так описывал это предприятие: «Летом, в июле 1885 г., я вместе с Н. Мартяновым посетил деревню Означенную и поднимался на гору Итем с целью собрать материалы для петрографической карты Минусинского округа, в области Саянского хребта. Во время экскурсии с гор нам удалось осмотреть всю степь до Абакана. Мы заметили, что на параллели деревни Огур ее пересекает невысокий хребет, но в одном месте, где находится предполагаемое нами русло, он неожиданно понижается и переходит в равнину» [28. С. 5].

Путешественникам удалось собрать много новых данных в пользу теории о том, что Енисей ранее действительно протекал от деревни Означенной на северо-запад, а затем, слившись с Абаканом ниже устья реки Беи, направлялся на северо-восток левее гор Изыха к своему современному руслу. В дальнейшем эта теория была полностью подтверждена [29. С. 278].

Следует отметить, что экспедиции Д.А. Клеменца 1883–1885 гг., в рамках которых он исследовал главным образом район юго-западной части Минусинского округа до бассейна реки Томи и южную часть Кузнецкого Алатау, дали ценнейшую информацию для географической и еще более для геологической характеристики обширного и тогда малоизученного региона. Материалы, частично опубликованные в «Записках ЗСО-ИРГО», привлекли внимание маститых ученых к личности Д.А. Клеменца. В частности, на геологические данные, впервые введенные в научный оборот Д.А. Клеменцем, в дальнейшем опирался известный европейский ученый, австриец Э. Зюсс, готовивший к изданию капитальный труд «Лик Земли» (Вена, 1901 г.) [7. С. 75].

Однако действительное научное признание ему принесли работы по археологии края. В это время Д.А. Клеменц с подачи Н.М. Мартянова активно взялся за подготовку к печати рукописи «Древности Минусинского музея. Памятники металлических эпох» (далее – «Древности»). Эта работа представляла собой книгу, содержащую описание материала, и атлас рисунков. Первая часть вместила введение, заключавшее в себе физико-географический очерк Минусинского округа, описание археологических памятников с опорой на имевшиеся тогда источники, в том числе новейшие работы В.В. Радлова, А.В. Адрианова, Н.М. Ядринцева, И. Аспелина и др.

Современный исследователь А.А. Тишкин подчеркивает, что проведенная Д.А. Клеменцем «каталогизация и систематизация объемного материала позволила выйти на уровень существенных для того времени заключений» [30. С. 39]. Он попытался связать имеющийся у него богатый, но фрагментарно подобранный археологический материал с данными китайских летописей и тем самым выдвинул гипотезы о том, какие народы оставили в Минусинской котловине столь обильные археологические памятники. Вторая часть этой книги содержала систематизированный каталог с общими данными по каждой группе вещей и детальными измерениями каждого памятника. Работа над «Древностями» захватила не только самого автора, но и Н.М. Мартянова, активно помогавшего Д.А. Клеменцу в сборе материала для книги.

Из переписки А.А. Кропоткина и Н.М. Мартянова видно, что подготовка книги к изданию объединила все демократические силы Западной Сибири. Параллельно при помощи А.А. Кропоткина готовили текст предисловия и на французском языке. Работа по окончательному выпуску книги в свет заняла немало времени. Свидетельство тому – письмо Н.М. Мартянова к

А.А. Кропоткина от 6 июня 1886 г., в котором обсуждались некоторые технические детали, связанные с изданием книги [31. Л. 1–1 об.]. По-видимому, она вышла во второй половине лета 1886 г.

Все, кто был причастен к ее изданию, могли гордиться результатом своего труда. «Древности», фактически открывшие для ученых археологические богатства Минусинского округа, вызвали широкий общественный резонанс. Хотя Д.А. Клеменц сетовал, что «с изданием каталога поспешил, подавшись настоянию Н.М. Мартьянова, в чем раскаивался и собирался писать продолжение» [32. С. 112]. Но это был как раз тот случай в истории науки, когда «пирог горячим вовремя был подан к столу». Появление книги сделало обоих, что называется, персонами грата в российском, да и европейском научном сообществе. Конечно, прославился и музей. Нельзя не согласиться с мыслью, что «работа эта... сделала судьбу Минусинского музея: из никому не известного местного музея он делается известным даже за пределами России» [33. С. 11].

Книгу разослали всем заинтересованным лицам в России. Введение Д.А. Клеменца к каталогу «Древностей» высоко оценил Г.Н. Потанин, отмечавший, что «очерк составлен превосходно» и представляет блестящую работу [34. С. 135]. 6 декабря 1886 г. непреходящий секретарь Российской Академии наук К.С. Веселовский писал Н.М. Мартьянову: «Не могу выразить, как я порадовался успеху, достигнутому Вашими стараниями в деле разыскания и описания интересных памятников старины Минусинского края. Издание Ваше – превосходно и по ученому тексту г. Клеменца, и по отличному исполнению фотогравюры Шерера и Набгольца; а обстоятельный каталог металлических древностей Музея открывает для археологов такое богатство коллекций любопытных и поучительных предметов, что может с честью выдержать сравнение с лучшими изданиями этого рода у нас и за границей» [14. С. 84].

В самом начале 1887 г. Н.М. Мартьянова письмом Императорского общества естествознания, антропологии и этнографии уведомили, что на заседании общества 15 октября 1886 г. он был награжден золотой медалью [35]. В свою очередь Д.А. Клеменца избрали членом-корреспондентом Московского археологического общества. Издание «Древностей» стало известно и за границей. Информация о книге с ее высокой оценкой появилась в 1887 г. во Франции в изданиях «Revue Geographique» и «Nouveau dictionnaire de Geographie, par M. Vivien de Saint Burtis» [36. С. 6], а всемирно известный Лейпцигский музей «Истории народов» присвоил Н.М. Мартьянову звание его почетного члена [37].

В августе 1886 г. срок ссылки Д.А. Клеменца подошел к концу, и он решил покинуть Минусинск. Своеобразной оценкой его роли, сыгранной в становлении минусинского музея, стало письмо Н.М. Мартьянова к И.Н. Сибирякову в котором содержались следующие строки: «Д.А. Клеменц более трех лет заботится о

нашем музее. Во время своих разъездов с ученой целью... он не забывал о Минусинском музее. Обогащая своими работами Омский отдел, он в то же время собирал для нас все новое, все ценное, и благодаря ему мы получили возможности в значительной мере расширить некоторые из своих коллекций. Кроме того, своим ученым трудом, который вскоре появится в свет под скромным названием «Описание древностей Минусинского музея», он оказал нам громадную услугу... Вообщем в лице Дмитрия Александровича музей приобрел такого ценного работника, что я не могу и выразить Вам всей признательности, какая выпадает от меня на его долю» [38. Л. 1 об. – 2].

Дружеские связи Н.М. Мартьянова и Д.А. Клеменца не прерывались и после переезда последнего в Томск. Они поддерживали активную переписку, держа друг друга в курсе научных и общественных интересов. Причем в рамках возможного Н.М. Мартьянов помогал Д.А. Клеменцу и в организации экспедиций, например, тех же археологических раскопок. Так в полевой сезон 1889 г. Д.А. Клеменц планировал раскопать большой курган Чаа-гас в Уйбатской степи около реки Нини [39. С.160]. И именно Н.М. Мартьянов рекомендовал ему Петра Чиркова, который должен был поставить рабочих и обеспечить питание. Однако за один полевой сезон раскопки закончить не удалось – 17 июля 1889 г. Д.А. Клеменц рассчитал рабочих и прекратил раскопки [Там же. С. 162]. Оставшуюся часть лета он посвятил геологическим изысканиям в южной части Енисейского горного округа, где собрал обширный геологический материал. Большую часть собранной коллекции он передал в дар минералогическому музею Томского университета [40. Л. 129–130], а некоторые экспонаты традиционно дополнили коллекции минусинского музея, куда Д.А. Клеменц прибыл в начале октября.

Стоит отметить, что практически каждый экспедиционный сезон Д.А. Клеменц заканчивал именно в Минусинске, где всегда находил теплый прием. В музее он занимался в первую очередь дальнейшей систематизацией новых археологических находок. Свидетельство тому его письмо от 24 сентября 1889 г. товарищу председателю ИАК (Императорской археологической комиссии) известному востоковеду и археологу В.Г. Тизенгаузену, в котором он, в частности, пишет, что планирует на два месяца задержаться в Минусинске так как: «МАО (Московского археологического общества) обещало издать продолжение каталога древностей Минусинского музея, и я займусь там разборкой новых приобретений г. Мартьянова по части металлических древностей» [39. С. 157–158].

Находясь в Минусинске, он, опираясь на новые геологические данные, собранные во время экскурсий по округу Н.М. Мартьяновым, смог получить подтверждение своей давней гипотезы о том, что в районе речки Малой Еси около ее впадения в Большую Есь находятся пласты, содержащие девонские окаменелости [41]. Как видим, многие геолого-географические от-

крытия, совершенные Д.А. Клеменцем в Минусинском округе, были им сделаны при непосредственном участии или помощи Н.М. Мартьянова.

После переезда в Иркутск в феврале 1890 г. и занятия должности правителя дел ВСОИРГО (официальное утверждение состоялось 20 мая 1891 г.), Д.А. Клеменц также не прерывал связей с Н.М. Мартьяновым, активно обращаясь к его музейному опыту. Не зря всю жизнь он называл себя «музейщиком мартьяновской школы» [42. С. 3]. А по поводу организации музейного дела в том же Иркутске он напрямую советовался с Н.М. Мартьяновым, о чем свидетельствует их переписка. Например, в одном из писем Н.М. Мартьянов задавал Д.А. Клеменцу вопрос: «Кто у Вас будет устраивать художественные группы в Музее?» и давал совет по этому поводу: «Имейте в виду Адриана Прокопьевича Баранова, бывшего Минусинского исправника, служащего теперь в Иркутске, по этой части он много помог бы Вам» [43. Л. 16 об.]. Помогал Н.М. Мартьянов и в комплектовании экспозиции музея ВСОИРГО, в этом же письме он спрашивает: «Как дошли до Иркутска остальные 8 масок, укупоренных мною» [Там же. Л. 17].

В деле создания местных музеев как первичных ячеек по изучению огромного региона Д.А. Клеменц за образец брал именно Минусинский музей. Пример тому – одно из его писем Г.Н. Потанину. В нем он, делаясь впечатлениями об Ачинском музее и высказывая всяческую поддержку его организатору Д.С. Каргополову, писал: «Это скромное приобретение заслуживает поощрения и поддержки. Он (Ачинский музей) доказывает, что можно делать дело полезное при самых неблагоприятных условиях: без капиталов и без неизменного Мартьянова, если есть добрая воля. У Каргополова конечно меньше связей, чем у Савенкова... о Мартьянове я уже не говорю, а между тем он не убоился и работает. Это истинный ученик нашего милого Николая Михайловича, взявшего себе девизом – делай свое дело и пусть люди говорят, что хотят! Мартьяновых, Вы сами знаете Мартьяновых, немного на свете, и на Мартьяновский музей смотреть нечего. Пусть будет хоть маленький и не с таким руководителем, как Мартьянов, а все-таки может быть полезен» [44].

Но наиболее показательным примером поддержки местных музеев являлась позиция Д.А. Клеменца по открытию музея в Кяхте. Об основании музея объявили 1 января 1890 г. Первые его шаги были сопряжены с разного рода трудностями: музей не имел официальной поддержки властей, не располагал своим помещением. Словом, нуждался в помощи. Инициативу кяхтинцев активно лоббировал Д.А. Клеменц [45. С. 6–7]. И там же в Кяхте он по просьбе своих друзей Чарушиных, прочел открытую лекцию о роли местных музеев (она состоялась 8 октября 1892 г.), ставшую в дальнейшем своеобразной методологической направляющей для продвижения идеи открытия местных музеев. Специалисты-музейщики отмечают, что в «этой лекции Клеменц одним из первых в России дал определение музея» [45. С. 6].

Оно гласило, что «музей есть систематическое собрание произведений природы или каких-либо видов человеческого труда с целью наглядного и опытного изучения собранных предметов» [16. С. 2]. Следует отметить, что к такому пониманию сути музея Д.А. Клеменц подошел благодаря непосредственному участию в работе Минусинского музея, наблюдая за опытом, как позитивным, так и негативным, его последователей в Сибири.

Обобщая весь свой опыт, Д.А. Клеменц в кяхтинской лекции провел также краткий экскурс в историю зарождения и развития музеев в Европе и центральной России. При этом он обращал внимание на особое значение местных музеев, создание которых, по его мнению, обусловлено «потребностями развития науки»: «необходимостью организовывать наблюдения, собирать материал на местах» [16. С. 14]. Особо он обращал внимание на социокультурное значение местных музеев, отмечая, что они могут давать прикладные знания о природных ресурсах территории, обеспечить культурный досуг населения [16. С. 14]. Исходя из этого, он назвал несколько принципов, которыми руководствовался Н.М. Мартьянов, благодаря чему смог всего за несколько лет на пустом месте создать в Минусинске крупнейший региональный музей: использовать каждого человека, способного помочь; оказывать научную и организационную поддержку всем, кто за ней обратится; относиться к собранным коллекциям не как к своей собственности, а как к всеобщему научному достоянию; собирать все коллекции, какие только возможно [16. С. 28–29].

Активная переписка Н.М. Мартьянова и Д.А. Клеменца в 1890-е гг. свидетельствует, что их научное общение не прекращалось. Причем Н.М. Мартьянов держал друга в курсе своих исследований в Минусинском округе и в силу возможностей стремился помочь ему в продолжении изучения геологии этих мест. Очень показательным в этом отношении является его письмо к Д.А. Клеменцу от 10 октября 1892 г. В нем Н.М. Мартьянов не только рассказывал о своих летних экскурсиях, направленных в первую очередь на «собрание растений для себя и для П.Н. Крылова» [43. Л. 22 об.], но и указывал на то, что он «собирал горные породы» интересующие Д.А. Клеменца [Там же. Л. 23]. И далее он подробнейшим образом информировал своего корреспондента о том, в каких местах и что он обнаружил, в том числе и дополнял те сведения, которые ранее уже имелись у Д.А. Клеменца.

В частности, он указывал, что «в дополнение к Вашим сведениям об горе Биштаг на склоне к дому Барташевых, описанному Вами, я только добавлю Вам, что выходы здесь гранита не всегда чередуются мраморами, некоторые [слово неразборчиво, возможно, белые глины] состоят из доломита, образцы которого при случае вышлю Вам» [Там же. Л. 23 об.]. Делился он и новыми находками с указанием мест, особенно интересующих Д.А. Клеменца: «В эту поездку я нашел еще

одно месторождение девонских окаменелостей (кажется, известных и Вам) по Уйбату – по дороге от Николо-Тутарникова у подножия горы Сарыг-Даг по дороге к Абакану. Два новых месторождения этих же окаменелостей нашел Н.П. ... [неразб.] по реке Тесь» [43. Л. 24]. Была в этом письме и масса другой информации, связанной с геологией Минусинского округа.

Во многом именно благодаря данным, полученным от Н.М. Мартьянова, Д.А. Клеменц стал первым ученым, после географа П.Н. Чихачева, кто серьезно, но уже на более высоком научном уровне с точки зрения геологии исследовал Минусинскую котловину. И им был сделан вывод, впоследствии подтвержденный работами советских геологов, о том, что Минусинский межгорный прогиб по своему геологическому строению принадлежит к девонскому периоду, что отличает его от соседних территорий, отложения на которых относились к докембрийскому периоду [46].

В свою очередь Д.А. Клеменц всячески помогал и содействовал Н.М. Мартьянову в сборе ботанических коллекций. В письмах иркутского периода подтверждений тому масса. Так, в одном из писем Н.М. Мартьянов благодарил своего визави за доставку ему редкого растения и указывал, что «конечно, оно войдет в Сибирскую флору (видимо, книга, над которой работал Н.М. Мартьянов. – *О.М.*) с указанием Вашего имени, равно как и другие растения, собранные Вами и поступив[шие] в Минусинский музей» [43. Л. 15 об.].

Н.М. Мартьянов внимательно следил и за монгольскими экспедициями Д.А. Клеменца 1892–1896 гг., выполняемыми по заданию Академии наук. С нескрываемой радостью он писал, о том, что крайне рад получению «весточки из далекой Монголии» и что слухи о прекращении Д.А. Клеменцем экспедиции 1894 г. из-за неполадок со здоровьем оказались ложными [47. Л. 141]. Монгольские экспедиции, как совершенно справедливо отмечал в письмах Н.М. Мартьянов, имели «громчайшее значение для будущего» и науки и лично Д.А. Клеменца. После их успешного окончания он в начале 1897 г. перебрался в Санкт-Петербург в возглавляемый В.В. Радловым Музей антропологии и этнографии (далее МАЭ).

Перед Д.А. Клеменцем, как правой рукой В.В. Радлова, стояли в МАЭ большие задачи. В.В. Радлов стремился возродить былую популярность музея, для чего требовалось коренным образом пересмотреть подход к его внутреннему устройству, сбору новых коллекций и организации экспозиции. И в этих вопросах Д.А. Клеменцу, находящемуся в штате первоначально на должности хранителя МАЭ, отводилась важнейшая роль – он единственный из всех новых сотрудников обладал серьезным опытом музейной работы, полученным в Минусинске и Иркутске.

Практически сразу с его переездом в столицу в МАЭ начали поступать новые материалы из Сибири благодаря инициативе и широким сибирским связям Д.А. Клеменца. Первыми были материалы из Бурятии, собранные им самим в период его пребывания там в

1897 г. и коллекция кяхтинца Г.М. Осокина. Не остался в стороне и Н.М. Мартьянов, что явствует из его письма к Д.А. Клеменцу, в котором сообщалось, что «кроме сойотской сохи... все другие предметы, купленные Сафьяновым, я уже отправил... Счет на эти предметы прилагаю к этому письму» [47. Л. 100]. Всего в 1897 г. в МАЭ поступило 1218 номеров (более 2000 предметов) [48. С. 80] и немалая их доля «нашла» дорогу в музей при непосредственном участии Д.А. Клеменца и его сибирских друзей.

Помимо практической деятельности в МАЭ, Д.А. Клеменц в это время продолжал осмысливать и теорию музейного дела – влияние мартьяновской школы давало о себе знать! Наличие собственного взгляда на организацию этнографического изучения и формирования музейных коллекций стало одной из причин последовавшего в 1901–1902 гг. разрыва между ним и В.В. Радловым. Но основной его причиной стал переход Д.А. Клеменца в создававшийся Этнографический отдел Русского музея. Совещания по поводу его открытия начали активно проводиться в 1901 г. На них был приглашен и Н.М. Мартьянов. Председательствовал на заседаниях Великий князь Георгий Михайлович.

Именно в столице вновь после большого перерыва удалось встретиться старым друзьям – Д.А. Клеменцу и Н.М. Мартьянову. Стоит также отметить и то обстоятельство, что из всех присутствовавших на этих совещаниях маститых ученых только они не имели университетского образования или высших чинов. То, что их пригласили, свидетельствовало о признании заслуг двух этих людей в становлении музейного дела в России. Дочь Н.М. Мартьянова в воспоминаниях об отце приводила любопытный факт: «Помню, как отцу было предложено занять место заведующего Этнографическим отделом музея Александра III (далее ЭО РМ) в Петербурге. Это известие очень взволновало нас, и мы старались представить себе, какая у нас будет жизнь в Петербурге, и были очень разочарованы, когда отец, не желая оставлять музей, отказался и предложил вместо себя Д.А. Клеменца» [13. Л. 7]. Однако в реальности ситуация складывалась гораздо сложнее [2. С. 598–605], но, конечно, и мнение Н.М. Мартьянова, и научный авторитет Д.А. Клеменца сыграли свою роль, и последний был назначен на эту высокую должность в феврале 1902 г.

ЭО РМ пришлось организовывать практически с нуля, и здесь инициатива Д.А. Клеменца и его связи сыграли огромную роль в формировании новых музейных коллекций. В этом ему активно помогали старые друзья, в том числе А.В. Адрианов, Н.М. Мартьянов и др. Ярким примером являются его тесные контакты с тем же А.В. Адриановым, который по поручению ЭО РМ в 1904 г. собирал этнографические коллекции в ареале проживания качинских татар [18. С.43].

По возможности оказывал ему помощь и Н.М. Мартьянов, уже тяжело больной. Он начал испытывать серьезные боли в спине, которые никак не мог-

ли диагностировать. Впоследствии специалисты пришли к выводу, что у Н.М. Мартянова развивался рак позвоночника [13. Л. 25]. Но невзирая на начавшуюся болезнь, при его содействии удалось организовать в 1902 г. экспедицию политехсильного Ф.Я. Кона в Сойотию (Тыва). Проект экспедиции получил поддержку ВСОИРГО и генерал-губернатора П.И. Кутайсова, но учитывая особенности экспедиции, все же это была территория тогдашней Цинской империи, особое разрешение на нее было выписано при протекции Д.А. Клеменца Великим князем Георгием Михайловичем.

И в дальнейшем Д.А. Клеменц активно помогал организации этой экспедиции. Недаром письмо к нему от Ф.Я. Кона преисполнено чувством благодарности: «Спасибо Вам сердечное, Дмитрий Александрович. Вы мне оказали такую услугу, которая не забывается. Об экспедиции к сойотам я мечтал несколько лет. Теперь благодаря Вашему теплому участию и участию Николая Михайловича (Мартянова) я чувствую себя чуть ли не Крезом» [49. Л. 1].

В экспедиции Ф.Я. Кон занимался, кроме прочего, по просьбе Д.А. Клеменца, собиранием коллекций для ЭО РМ при заочном кураторстве Н.М. Мартянова. По этому поводу между ними велась активная переписка. В письме от 10 сентября 1902 г. Н.М. Мартянов сообщал Д.А. Клеменцу, что «собираение этнографич[еских] коллекций для Музея... идет весьма успешно. Многие из заказанных костюмов уже готовы; приобретено до 500 предметов – в том числе много такого, что нельзя приобрести за деньги и что только удалось приобрести г. Кону как фотографу и врачу, за которого его принимают, так как он действительно помогает им в многих недугах и лечит, конечно, безвозмездно» [47. Л. 64–65а].

Д.А. Клеменц положительно отзывался о деятельности Ф.Я. Кона по собиранию коллекций, хотя и высказал ряд замечаний, на которые Н.М. Мартянов дал подробный ответ в письме от 1 февраля 1903 г. [47. Л. 73а]. Вообще он очень высоко оценивал деятельность Ф.Я. Кона, как собирателя этнографических коллекций, в основном с ним соглашался и Д.А. Клеменц.

В ответном письме он не только подчеркнул, что в целом находит коллекцию Ф.Я. Кона «очень хорошей, но нельзя было не указать на некоторые пробелы, которые еще можно дополнить, когда есть время» [47. Л. 1]. Также в этом письме отражены взгляды Д.А. Клеменца на собирание коллекций для ЭО РМ, которые отличались от точки зрения многих его коллег: «У них засела в голове мысль о каком-то систематическом собирании области за областью. Я же собираю отовсюду, где есть возможность. Не всегда можно найти Кона, Пекарского или иного хорошего собирателя. Надобно собирать, пока есть случай» [47. Л. 1 об.]. Видно, что Д.А. Клеменц исходил из реального положения дел в отечественной этнографии, учитывая нехватку специалистов. Именно поэтому он ставил цель –

собрать как можно больше сведений обо всех областях России, а затем систематизировать их.

В 1903 г. резко ухудшилось здоровье Н.М. Мартянова. По рекомендации врачей он в июле 1903 г. отправился на лечение в Москву, Харьков, а затем в Крым [13. Л. 16]. Д.А. Клеменц неоднократно писал давнему другу, подбадривал его, высказывал желание приехать и поведать [47. Л. 2]. Но и тяжело больной Н.М. Мартянов старался быть полезным товарищу, даже в личных письмах супруге, датированных осенью 1903 г., Н. Мартянов делился планами по сбору коллекций минусинских инородцев. В письме родным от 30 сентября из Балаклавы он писал: «Мне приходит в голову, что если Кон откажется, возможно будет... это исполнить Н.И. Тропину (хранитель Минусинского музея с 1897 г.). И я похлопотал бы о том, чтобы ему дали отпуск и я руководил бы им в работах. Надо же как-нибудь выручить Дмитрия Александровича в этом деле» [13. Л. 21].

Таким образом, практически до самой смерти Н.М. Мартянова, наступившей 30 ноября 1904 г., личные и научные контакты его и Д.А. Клеменца посредством переписки не прекращались. На смерть Н.М. Мартянова его старый друг откликнулся некрологом, который был данью памяти Н.М. Мартянову как ученому с приложением к нему списка основных его работ. Заканчивался некролог словами: «Уходя от нас, Николай Михайлович оставил прочную память о себе в своих трудах, а свою жизнь – пример преданности науке и любви к ближним. Да будет благословение потомства на твоих делах и на могиле твоей» [11. С. 50].

Сам Д.А. Клеменц пережил своего друга почти на 10 лет и еще многое успел сделать. Он умер 8 января 1914 г. и был похоронен в Москве на Ваганьковском кладбище.

В заключение хотелось бы отметить, что эти две неординарные личности добились многого не только в деле музейного строительства, но и в других направлениях науки. Именем Н.М. Мартянова ботаники и палеонтологи назвали более 20 видов высших и низших растений, ископаемых форм и он был первооткрывателем большинства этих видов [42. С. 3].

Д.А. Клеменц преуспел как географ-путешественник, много сделавший для изучения внутренней Центральной Азии, в частности, Урянхайского края (Тывы) и особенно Монголии. За свои центральноазиатские экспедиции в 1896 г. ИРГО наградило его Большой серебряной медалью имени Н.М. Пржевальского [50. С. 165]. Солидный вклад он внес в геологическое, археологическое и этнографическое изучение Минусинской котловины, Кузнецкого Алатау и ряда районов Восточной Сибири. И в немалой степени научные достижения двух этих ученых были обусловлены их тесными дружескими отношениями, в которых служение науке, интеллектуальный взаимообмен и личная симпатия тесно переплетались.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гольдфарб С.И. Д.А. Клеменц–революционер, ученый, публицист. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1986. 176 с.
2. Милевский О.А., Панченко А.Б. «Беспокойный Клеменц»: опыт интеллектуальной биографии. М. : РОССПЭН, 2017. 695 с.
3. Пигмалион музейного дела в России (К 150-летию со дня рождения Д.А. Клеменца). СПб. : Лань, 1998. 208 с.
4. Попов И.И. Д.А. Клеменц. Его жизнь и деятельность // Д.А. Клеменц. Из прошлого. Воспоминания. Л. : Колос, 1925. С. 7–66.
5. Равикович Д.А. Клеменц Дмитрий Александрович // Российская музейная энциклопедия : в 2 т. М. : Прогресс; «РИПОЛ Классик», 2001. Т. 1. С. 274.
6. Равикович Д.А. Мартыанов Николай Михайлович // Российская музейная энциклопедия : в 2 т. М. : Прогресс; «РИПОЛ Классик», 2001. Т. 1. С. 349.
7. Федорова В.И. Революционный народник, ученый и просветитель Д.А. Клеменц. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. 176 с.
8. Яворский Г.Н. Н.М. Мартыанов. Краткий очерк жизни и деятельности. Красноярск : Краснояр. кн. изд-во, 1969. 48 с.
9. На память о создателе Минусинского музея Николае Михайловиче Мартыанове. Издание комитета Минусинского городского музея. Юрьев, 1906. 31 с.
10. Белокопский И.П. Дань времени. Воспоминания. М. : Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1928. 372 с.
11. Клеменц Д.А. Николай Михайлович Мартыанов (Некролог) // Известия Императорского русского географического общества. СПб., 1905. Т. XL. С. 47–50.
12. 160 лет со дня рождения провизора, ботаника, основателя Минусинского краеведческого музея Н.М. Мартыанова // Край наш Красноярский: календарь знаменательных дат на 2004 г. Красноярск, 2003. С. 56–58.
13. Минусинский краеведческий музей. Основной фонд (далее–МКМ ОФ). Д. 10584 /2.
14. Кон Ф.Я. Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877–1902 гг.). Казань : Типо-литография Императорского университета, 1902. 209 с.
15. Белокопский И.П. К истории политической ссылки // Каторга и ссылка. 1927. № 2 (31). С. 142–157.
16. Клеменц Д. Местные музеи и их значение в провинциальной жизни (публичная лекция, читанная в Кяхте 8 октября 1892 г.) // Сибирский сборник: приложение к «Восточному обозрению». Иркутск : Тип. К.И. Витковского, 1893. Вып. 2. С. 1–35.
17. Адрианов А.В. Памяти супругов Клеменц // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Т. XLV. 1916. Иркутск : Тип. К.И. Витковского, 1917. С. 103–124.
18. Дзвлет М.А. Александр Васильевич Адрианов (к 150-летию со дня рождения). Кемерово : Кузбассвузиздат, 2004. 68 с.
19. Обручев В.А. Д.А. Клеменц, П.П. Семенов-Тяньшанский и Ф.Н. Чернышев как исследователи Азии // Записки Геологич. отдел. общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1914–1915. М., 1915. Вып. III. С. 1–17.
20. МКМ ОФ. Д. 10566 /2.
21. МКМ ОФ. Д. 10566/4.
22. Музей археологии и этнографии Сибири Томского Государственного университета (далее – МАЭС ТГУ). Фонд А.В. Адрианова. Папка 11.
23. Ольденбург С.Ф. Дмитрий Александрович и Елизавета Николаевна Клеменцы. In *memoriam*. Пг. : Тип. В.Н. Смирнова, 1915. 4 с.
24. Клеменц Д.А. Заметка о девонских отложениях Минусинского округа // Материалы, собранные Д.А. Клеменцем при экскурсиях в Верхний Абакан в 1883 и 1884 гг. Омск : Тип. Окружного штаба, 1890. С. 1–26.
25. Обручев В.А. Обзор путешествий Д.А. Клеменца по внутренней Азии и их географических и геологических результатов // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Иркутск : Тип. К.И. Витковского, 1917. Т. XLV. С. 1–34.
26. МКМ ОФ. Д. 10614 /5.
27. МКМ ОФ. Д. 10614/6.
28. Клеменц Д.А. Заметка о старом русле Енисея (с картой) // Материалы, собранные Д.А. Клеменцем при экскурсиях в Верхний Абакан в 1883 и 1884 гг. Омск : Типограф. Окружного штаба, 1890. С. 1–11.
29. Козьмин Н.Н. Д.А. Клеменц и историко-этнографические исследования в Минусинском крае // Козьмин Н.Н. Избранные труды. Абакан : Журналист, 2010. 311 с.
30. Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 2007. 356 с.
31. МКМ ОФ. Д. 10655 /10.
32. Вадецкая Э.Б. К истории археологического изучения Минусинских котловин // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово : Изд-во Кемеров. гос. пед. ин-та, 1973. Вып. 6. С. 90–157.
33. Могилянский Н.М. Памяти Д.А. Клеменца // Материалы по этнографии России. СПб. : Изд. Этнографического отдела Русского Музея Императора Александра III, 1914. Т. II. С. I–VII.
34. Потанин Г.Н. Д.А. Клеменц // Литературное наследство Сибири. Т. 7. Новосибирск : Новосиб. книж. изд-во, 1986. С. 134–139.
35. МКМ ОФ. Д. 10687/6.
36. Дзвлет М.А. Д.А. Клеменц как археолог // Советская археология. 1963. № 4. С. 3–9.
37. МКМ ОФ. Д. 10672/6.
38. МКМ ОФ. Д. 10686/5.
39. Белова Н.А. Д.А. Клеменц и Императорская археологическая комиссия // Пигмалион музейного дела в России (К 150-летию со дня рождения Д.А. Клеменца). СПб. : Лань, 1998. С. 155–165.
40. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. 102. Оп. 1. Д. 6.
41. Научная библиотека Томского государственного университета. Отдел рукописей и книжных памятников (далее – НБ ТГУ ОРКП). Архив Г.Н. Потанина. Рубрикатор «Р». № 336.
42. Ковалев В.А. Именем Н.М. Мартыанова... // Мартыановские краеведческие чтения (1999–2002). Минусинск, 2003. Вып. 2. С. 3–4.
43. Архив востоковедов Института Восточных рукописей РАН (далее – АВ ИВР РАН). Ф. 28. Оп. 2. Д. 211.
44. НБ ТГУ ОРКП. Архив Г.Н. Потанина. Рубрикатор «Р». № 332.
45. Черняк Э.И. Д.А. Клеменц и создание музея в Кяхте // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 4 (36). С. 5–8.
46. Лучицкий И.В. К вопросу о строении Минусинского межгорного прогиба // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел. Геология. 1957. Т. 32, вып.2. С. 67–75.
47. Архив Минусинского краеведческого музея (далее – АМКМ). Ф. 5. (В.А. Ковалева).
48. Решетов А.М. Д.А. Клеменц и Музей антропологии и этнографии Императорской Академии наук // Пигмалион музейного дела в России (К 150-летию со дня рождения Д.А. Клеменца). СПб. : Лань, 1998. С. 59–94.
49. АВ ИВР РАН. Ф. 28. Оп. 2. Д. 200.
50. Милевский О.А. Моногольская «одиссея» Д.А. Клеменца: 1891–1896 гг. // Известия РАН. Серия географическая. 2018. № 1. С. 158–167.

Oleg A. Milevskiy. Surgut State Pedagogical University (Surgut, Russia). E-mail: olegmilevsky@mail.ru

ACROSS A DISTANCE: THE HISTORY OF FRIENDSHIP BETWEEN N.M. MARTYANOV AND D.A. KLEMENTS

Key words: Political exile, natural-science researches, Minusinsk museum, D.A. Klements, N.M. Martyanov.

The regional history is one of the dominating research directions now and the address to it in the Siberian context only confirms this tendency. The considerable contribution to studying of Siberia in the last third of XIX – the beginning of XX from the natural-science and ethnographical and archaeological point of view was brought by researchers – N.M. Martyanov and D.A. Klements.

The purpose to this article is on the basis of attraction of big archival material, mainly epistolary heritage of two of these scientists, to reconstruct history of their relationship and to track as their more than twenty years friendship not only influenced formation of their scientific interests, but also in practice with the organization and carrying out direct researches in various corners of Western and Eastern Siberia.

The analysis of the available extensive massive, both the archival and published sources convincingly shows that during the Minusinsk exile of D.A. Klements, in which N.M. Martyanov has played the most important role in D.A. Klements's formation as traveler and scientist. In turn D.A. Klements during the expeditions on the Minusinsk district, Tyva and other earlier poorly studied areas of Southern Siberia and also writing of the book "Antiquities of the Minusinsk museum. Monuments of metal eras" in no small measure promoted formation of the Minusinsk museum and finding of popularity by it in the European scientific community.

Close friendly and scientific contacts between N.M. Martyanov and D.A. Klements were not interrupted also after departure of the last to Minusinsk. The analysis of their long-term correspondence shows that in it they gave a lot of place to scientific perspective. D.A. Klements in the expeditions constantly cared not only for replenishment of collections of the Minusinsk museum, but also did not forget about the scientific interests of N.M. Martyanov in the sphere of botany. And N.M. Martyanov in turn advised D.A. Klements concerning museum business and helped with collecting geological material within its scientific subject. Besides, during the stay of D.A. Klements as at first on a post of the governor Western-Siberian department of the Imperial Russian Geographical Society and as the main collector of the Museum of archeology and ethnography and at last on a post of the manager of Ethnographic department of the Russian Museum, N.M. Martyanov according to the lights and opportunities helped him assembled museum collections.

Thus, on the basis of the studied material the author came to a conclusion that close companionship of these extraordinary persons mutually enriched them intellectually and in practice helped implementation of their numerous scientific projects. And it has in turn allowed them to play a considerable role not only in geographical, geological, botanical, archaeological and ethnographic studying of Minusinsk hollow and some other Areas of Siberia, but also in formation of museum matter in Russia.

REFERENCES

1. Goldfarb, S.I. (1986) *D.A. Klements–revolyutsioner, uchenyy, publitsist* [D.A. Klementz as a revolutionary, scientist, and publicist]. Irkutsk: Irkutsk State University.
2. Milevsky, O.A. & Panchenko, A.B. (2017) "*Bespokoynny Klements*": *Opyt intellektual'noy biografii* ["Restless Klements": An Experience in Intellectual Biography]. Moscow: ROSSPEN.
3. Ikonnikova, S.N. (ed.) (1998) *Pigmalion muzeynogo dela v Rossii (K 150-letiyu so dnya rozhdeniya D.A. Klements)* [The Pygmalion of museum work in Russia (On the 150th anniversary of D.A. Klements)]. St. Petersburg: Lan'.
4. Popov, I.I. (1925) *D.A. Klements. Ego zhizn' i deyatel'nost'* [D.A. Klements. His life and work]. In: Klements, D.A. *Iz proshlogo. Vospominaniya* [From the Past. Memories]. Leningrad: Kolos. pp. 7–66.
5. Ravikovich, D.A. (2001a) *Klements Dmitriy Aleksandrovich* [Klements Dmitriy Aleksandrovich]. In: Yanin, V.L. et al. (eds) *Rossiyskaya muzeynaya entsiklopediya: V 2- kh t.* [Russian Museum Encyclopedia: In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Progress; RIPOL Klassik. pp. 274.
6. Ravikovich, D.A. (2001b) *Mart'yanov Nikolay Mikhaylovich* [Martyanov Nikolai Mikhailovich]. In: Yanin, V.L. et al. (eds) *Rossiyskaya muzeynaya entsiklopediya: V 2- kh t.* [Russian Museum Encyclopedia: In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Progress; RIPOL Klassik. pp. 349.
7. Fedorova, V.I. (1988) *Revolutsionny narodnik, uchenyy i prosvetitel' D.A. Klements* [The revolutionary populist, scientist and enlightener D.A. Klements]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.
8. Yavorsky, G.N. (1969) *N.M. Mart'yanov. Kratkiy ocherk zhizni i deyatel'nosti* [N.M. Martyanov. A brief outline of life and work]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskoe knizhnoe izd-vo.
9. The Committee of the Minusinsk City Museum. (1906) *Na pamyat' o sozdatele Minusinskogo muzeya Nikolae Mikhayloviche Mart'yanove* [In memory of the Minusinsk Museum creator Nikolai Mikhailovich Martyanov]. Yuriev: The Committee of the Minusinsk City Museum.
10. Belokonsky, I.P. (1928) *Dan' vremeni. Vospominaniya* [Tribute to the Time. Memories]. Moscow: Vsesoyuznoe obshchestvo politikatorzhan i ssyl'noposelentsev.
11. Klements, D.A. (1905) *Nikolay Mikhaylovich Mart'yanov (Nekrolog)* [Nikolai Mikhailovich Martyanov (Obituary)]. *Izvestiya Imperatorskogo russkogo geograf. ob-va.* XL. pp. 47–50.
12. Anon. (2003) *160 let so dnya rozhdeniya provizora, botanika, osnovatelya Minusinskogo kraevedcheskogo muzeya N.M. Mart'yanova* [160 years since the birth of the pharmacist, botanist, founder of the Minusinsk Museum of Local Lore N.M. Martyanov]. In: Gaynutdinova, G.M. & Fefelova, N.F. *Kray nash Krasnoyarskiy: kalendar' znamenatel'nykh dat na 2004 g.* [Our Land Krasnoyarsk: Calendar of Significant Dates for 2004]. Krasnoyarsk: Gos. univers. b-ka Krasnoyarsk. kraya. pp. 56–58.
13. Minusinsk Museum of Local Lore. The Main Fund (MKM OF). File 10584 /2.
14. Kon, F.Ya. (1902) *Istoricheskiy ocherk Minusinskogo mestnogo muzeya za 25 let (1877–1902 gg.)* [The Historical Outline of the Minusinsk Local Museum for 25 years (1877–1902)]. Kazan: Imperial University.
15. Belokonsky, I.P. (1927) *K istorii politicheskoy ssylki* [On the history of political exile]. *Katorga i ssylka.* 2(31). pp. 142–157.
16. Klements, D. (1893) *Mestnye muzei i ikh znachenie v provintsial'noy zhizni (publichnaya lektsiya, chitannaya v Kyakhte 8 oktyabrya 1892 g.)* [Local museums and their significance in provincial life (public lecture delivered in Kyakhta on October 8, 1892)]. In: Klements, D. et al. *Sibirskiy sbornik: prilozhenie k "Vostochnomu obozreniyu"* [Siberian Digest: an appendix to "Vostochnoe obozrenie"]. Issue 2. Irkutsk: K.I. Vitkovsky. pp. 1–35.
17. Adrianov, A.V. (1917) *Pamyati suprugov Klements* [In memory of the Klements spouses]. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva.* XLV. pp. 103–124.
18. Devlet, M.A. (2004) *Aleksandr Vasil'evich Adrianov (k 150-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Aleksandr Vasilievich Adrianov (on the 150th anniversary)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
19. Obruchev, V.A. (1915) *D.A. Klements, P.P. Semenov-Tyan'shanskiy i F.N. Chernyshev kak issledovateli Azii* [D.A. Klements, P.P. Semenov-Tyan'shanskiy and F.N. Chernyshev as researchers of Asia]. *Zapiski Geolog. otdel. ob-va lyubit. estestovzn., antropol. i etnograf.* 3. pp. 1–17.
20. Minusinsk Museum of Local Lore. The Main Fund (MKM OF). File 10566 /2.
21. Minusinsk Museum of Local Lore. The Main Fund (MKM OF). File 10566/4.
22. Museum of Archeology and Ethnography of Siberia, Tomsk State University (MAES TGU). A.V. Adrianov Fund. File 11.
23. Oldenburg, S.F. (1915) *Dmitriy Aleksandrovich i Elizaveta Nikolaevna Klements. In memoriam* [Dmitry Aleksandrovich and Elizaveta Nikolaevna Klements. In memoriam]. Petrograd: V.N. Smirnov.
24. Klements, D.A. (1890a) *Materialy, sobrannyye D.A. Klementsom pri ekskursiyakh v Verkhniy Abakan v 1883 i 1884 gg.* [Materials collected by D.A. Klements on travels to Upper Abakan in 1883 and 1884]. Omsk: Tipograf. Okruzhnogo shtaba. pp. 1–26.

25. Obruchev, V.A. (1917) Obzor puteshestviy D.A. Klementsа po vnutrenney Azii i ikh geograficheskikh i geologicheskikh rezul'tatov [Review of D.A. Klements' travels in Inner Asia and their geographical and geological results]. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva*. XLV. pp. 1–34.
26. Minusinsk Museum of Local Lore. The Main Fund (MKM OF). File 10614 / 5.
27. Minusinsk Museum of Local Lore. The Main Fund (MKM OF). File 10614/6.
28. Klements, D.A. (1890b) *Materialy, sobrannyye D.A. Klementsom pri ekskursiyakh v Verkhniy Abakan v 1883 i 1884 gg.* [Materials collected by D.A. Klements on travels to Upper Abakan in 1883 and 1884]. Omsk: Tipograf. Okruzhnogo shtaba. pp. 1–11.
29. Kozmin, N.N. (2010) *Izbrannyye trudy* [Selected Works]. Abakan: Zhurnalst.
30. Tishkin, A.A. (2007) *Sozdanie periodizatsionnykh i kul'turno-khronologicheskikh skhem: istoricheskiy opyt i sovremennaya kontseptsiya izucheniya drevnikh i srednevekovykh narodov Altaya* [Periodization and cultural-chronological schemes: historical experience and the modern concept of studying the ancient and medieval peoples of Altai]. Barnaul: Altai State University.
31. Minusinsk Museum of Local Lore. The Main Fund (MKM OF). File 10655 /10.
32. Vadetskaya, E.B. (1973) K istorii arkhеologicheskogo izucheniya Minusinskikh kotlovin [On the history of the archaeological study of the Minusinsk hollows]. In: Martynov, A.I. (ed.) *Izvestiya laboratorii arkhеologicheskikh issledovaniy* [Bulletin of the Archaeological Research Laboratory]. Issue 6. Kemerovo: Kemerovo State Pedagogical University. pp. 90–157.
33. Mogilyansky, N.M. (1914) Pamyati D.A. Klementsа [In memory of D.A. Klements]. In: Volkov, F.K. (ed.) *Materialy po etnografii Rossii* [Materials on the Russian Ethnography]. Vol. 2. St. Petersburg: Ethnographic Department of the Russian Museum of Emperor Alexander III. pp. 1–7.
34. Potanin, G.N. (1986) D.A. Klements [D.A. Klements]. In: Yanovsky, N.N. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary Heritage of Siberia]. Vol. 7. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhn. izd-vo. pp. 134–139.
35. Minusinsk Museum of Local Lore. The Main Fund (MKM OF). File 10687/6.
36. Devlet, M.A. (1963) D.A. Klements kak arkhеolog [D.A. Klements as an archaeologist]. *Sovetskaya arkhеologiya*. 4. pp. 3–9.
37. Minusinsk Museum of Local Lore. The Main Fund (MKM OF). File 10672/6.
38. Minusinsk Museum of Local Lore. The Main Fund (MKM OF). File 10686/5.
39. Belova, N.A. (1998) D.A. Klements i Imperatorskaya arkhеologicheskaya komissiya [D.A. Klements and the Imperial Archaeological Commission]. In: Ikonnikova, S.N. (ed.) (1998) *Pigmalion muzeynogo dela v Rossii (K 150-letiyu so dnya rozhdeniya D.A. Klementsа)* [The Pygmalion of museum work in Russia (On the 150th anniversary of D.A. Klements)]. St. Petersburg: Lan'. pp. 155–165.
40. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 102. List 1. File 6.
41. The Research Library of Tomsk State University. Department of Manuscripts and Rare Book (NB TGU ORKP). The G.N. Potanin Archive. R. № 336.
42. Kovalev, V.A. (2003) Imenem N.M. Mart'yanova... [In the name of N.M. Martyanov]. In: Alekhin, Yu.P. (ed.) *Mart'yanovskie kraevedcheskie chteniya (1999–2002)* [The Martyanov Local History Readings (1999–2002)]. Issue 2. Abakan: Mart. pp. 3–4.
43. The Archive of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (AV IVR RAN). Fund 28. List2. File 211.
44. The Research Library of Tomsk State University. Department of Manuscripts and Rare Book (NB TGU ORKP). The G.N. Potanin Archive. R. № 332.
45. Chernyak, E.I. (2015) D.A. Klements and his role in making of Kyakhta museum. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 4(36). pp. 5–8. (In Russian).
46. Luchitsky, I.V. (1957) K voprosu o stroenii Minusinskogo mezhgornogo progiba [On the structure of the Minusinsk intermountain trough]. *Byulleten' Moskovskogo obshchestva ispytateley prirody. Otd. Geologii*. 32(2). pp. 67–75.
47. The Archive of the Minusinsk Museum of Local Lore (AMKM). Fund 5. (V.A. Kovaleva).
48. Reshetov, A.M. (1998) D.A. Klements i Muzei antropologii i etnografii Imperatorskoy Akademii nauk [D.A. Klementz and the Museum of Anthropology and Ethnography of the Imperial Academy of Sciences]. In: Ikonnikova, S.N. (ed.) (1998) *Pigmalion muzeynogo dela v Rossii (K 150-letiyu so dnya rozhdeniya D.A. Klementsа)* [The Pygmalion of museum work in Russia (On the 150th anniversary of D.A. Klements)]. St. Petersburg: Lan'. pp. 59–94.
49. The Archive of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (AV IVR RAN). Fund 28. List 2. File 200.
50. Milevsky, O.A. (2018) Monogol'skaya "odisseyа" D.A. Klementsа: 1891–1896 gg. [Monogolian Odyssey by D.A. Klements: 1891–1896]. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya*. 1. pp. 158–167.